

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОНТРОЛЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КУЗЬМИНА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА,
ЛАТЫПОВА ЭЛЬВИРА ЮРЬЕВНА

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются предпосылки терроризма, выясняются предпосылки его распространения на идеологической платформе, а также на основе анализа современной судебно-следственной практики рассматриваются наиболее часто встречаемые проблемы квалификации преступлений, совершаемых участниками террористических организаций.

Ключевые слова: деятельность незаконного вооруженного формирования; финансирование террористической деятельности; вооруженный мятеж; террористические группы и сообщества; бандитизм.

CRIMINAL LEGAL CONTROL OF TERRORIST ACTIVITY

KUZMINA E. K.,
LATIPOVA E. J.

ABSTRACT

This article contains the description of terrorism prerequisites and its explanations on an ideological platform. Also the article analysis modern judicial and investigative practice and describes the most often met problems of qualification of the crimes committed by participants of the terrorist organizations.

Keywords: activities of illegal armed formation; financing of terrorist activity; armed insurrection; terrorist groups and communities; banditry.

Среди вызовов, стоящих перед современной цивилизацией, выделяется широкомасштабная эскалация насилия в решении как региональных, так и локальных проблем. Это касается, в первую очередь, прав человека в их самых разнообразных экзистенциальных измерениях. Все чаще средством разрешения социальных политических конфликтов становятся террористические акции, которые приводят к гибели значительного числа людей, случайно попавших в эпицентр событий.

Терроризм как общественно-политическое явление возник и сформировался в течение длительного времени, испытывая трансформации в смысле обретения собственной идеологической платформы, независимой от мировоззренческих принципов, которых придерживались террористы, их организованные группы, а также от политических целей, для достижения которых проводилась такая деятельность [8, с. 226].

Недостаточное внимание к терминологии, отсутствие единства в понимании тех или иных категорий терроризма затрудняет не только исследовательскую работу, но и практическую деятельность юриста. Четкий понятийный аппарат представляет собой инструмент, необходимый для эффективного выполнения принятых на государственном уровне решений, направленных на борьбу с терроризмом.

Научное и прикладное значение работы над терминологией терроризма подчеркивают многие современные исследователи.

Итак, современное содержание термина «террор», вытекающее в том числе и из его истории, следует определить следующим образом: террор – метод социального устрашения и деморализации

общества криминальными средствами с целью давления на государственную власть в политических интересах оппозиции.

В речах полководцев и государственных деятелей, в описании драматических событий войны и политики у Тита Ливия много раз встречалось эмоциональное восклицание «Страх и ужас» – «terror!» (лат.). Это не термин, а общеупотребительное слово, используя которое, автор передавал эмоциональное состояние, свое и исторических персонажей.

Применительно к России, преступная деятельность террористов выражена в действиях, направленных на подрыв суверенитета Российской Федерации, отделение от нее Северо-Кавказского региона, образование исламского государства.

Несмотря на комплекс мер, предпринимаемых органами государственной власти на Северном Кавказе, криминогенная обстановка в этом регионе продолжает оставаться крайне напряженной. Ежегодно порядка 3/4 преступлений террористической направленности регистрируется именно в республиках Северного Кавказа. По словам главы Следственного комитета Российской Федерации, региональные правоохранительные органы не справляются с валом бандитизма. В связи с этим руководством страны ставится задача давать жесткий отпор экстремистам, которые пытаются использовать радикальные националистические и сепаратистские лозунги, тем, кто пытается разделить наше общество и ослабить единство страны [5].

Круг противоправных деяний, совершаемых этими преступными объединениями, весьма разнообразен: от вымогательств денежных средств

на джихад у состоятельных граждан до посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов с целью воспрепятствования их законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Следует отметить, что судебно-следственные органы по-разному оценивают организованную преступную деятельность участников военизированных джамаатов. В одних случаях содеянному дается итоговая оценка по ст. 209 УК РФ как бандитизм. В других – такая деятельность признается организацией незаконного вооруженного формирования или участием в нем (ст. 208 УК РФ).

Представляется, что в случаях, когда деятельность участников НВФ сопряжена с террористическими актами, посягательствами на жизнь сотрудников правоохранительных органов и другими преступлениями, являющимися по сути нападениями на граждан или организации, содеянное должно квалифицироваться по ст. 209 УК РФ и по совокупности с другими статьями УК РФ, предусматривающими ответственность за конкретные преступления (ст. ст. 205, 317 УК РФ).

Пленум Верховного Суда РФ допускает совокупность преступлений, предусмотренных ст. ст. 208 и 209 УК РФ. Как указано в Постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [6], если отдельные члены незаконных вооруженных формирований объединились в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации (в т.ч. и для совершения террористической деятельности), руководят такой группой (бандой), а также участвуют в совершаемых ею нападениях, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. 208 и 209 УК РФ. Однако, по нашему убеждению, в подобных ситуациях может идти речь лишь о реальной совокупности, поскольку одна и та же криминальная структура не может признаваться одновременно и бандой, и НВФ.

На практике встречаются ситуации, когда в числе конечных целей экстремистами ставится свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации. В таких случаях содеянное подлежит квалификации по ст. 279 УК РФ как вооруженный мятеж. Так, в период с конца 1999 г. по февраль 2005 г. включительно Масхадов, Басаев, Горчханов, Астемиров, а также иностранные граждане Хаттаб, Абу Аль-Валид, Абу-Дзейт на территории северокавказских республик, в т.ч. в Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках, а также республиках Дагестан и Ингушетия, создали и возглавили многочисленное организованное преступное сообщество (преступную организацию), структурно состоявшее из объединения устойчивых вооруженных групп (банд) и иных незаконных

формирований, имевших различные наименования и, в свою очередь, разделенных на вооруженные группы и отряды различной численности, сформированных преимущественно из числа жителей одного населенного пункта либо района [3, с.17].

Основными задачами руководителей и участников организованного преступного сообщества (преступной организации) являлись организация и осуществление вооруженных мятежей и террористических актов в целях насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации и нарушения ее территориальной целостности, закрепленной в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, а также воздействия на органы государственной власти Российской Федерации для принятия ими решений об изменении конституционного строя Российской Федерации, нарушения территориальной целостности России путем незаконного вывода из ее состава субъектов, входящих в Северо-Кавказский регион, и образования на этой территории нового исламского государства [2, с.173].

При этом руководители и активные участники преступного сообщества для внушения членам преступной организации убежденности в необходимости проявления религиозной нетерпимости, ведения вооруженной борьбы с существующей государственной властью, осуществления насильственного захвата власти и построения независимого исламского государства проводили их идеологическую обработку, публично выступая на проповедях, размножая и распространяя брошюры, листовки, аудио- и видеоматериалы, содержащие призывы к войне, а также записи публичных казней и боевых столкновений незаконных вооруженных формирований с федеральными силами, чем культивировали у членов преступного сообщества (преступной организации) жестокость и нетерпимость к общечеловеческим нормам морали.

Определенные сложности при квалификации вызывают факты финансирования НВФ, осуществляющих террористическую деятельность. Практика по-разному оценивает подобные действия. В одних случаях содеянному дается правовая оценка по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ как финансирование терроризма. В других содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 208 УК РФ как финансирование незаконного вооруженного формирования.

В последние годы практика все чаще сталкивается с фактами вымогательства участниками незаконных вооруженных формирований денежных средств на джихад. Соответствующие требования выдвигаются в процессе видеообращений, записанных на USB флеш-накопители (флешки). Опасаясь содержащихся в них угроз, многие из граждан предпочитают не обращаться с заявлениями в правоохранительные органы и предоставляют требуемые денежные суммы, тем самым (пусть и не желая того) финансируя террористическую деятельность. В связи с этим возникает вопрос о правовой оценке

действий как представителей бандподполья, так и (назовем их так условно) «потерпевших», самих нарушающих уголовно-правовой запрет.

Представляется, что квалификация содеянного в подобных случаях должна зависеть от установления принадлежности виновных лиц к организованным преступным формированиям (незаконному вооруженному формированию, террористической группе, банде и т.п.) и, соответственно, от реальности угроз, выдвигаемых в процессе требования передачи чужого имущества. В случаях, когда виновные лица – участники незаконного вооруженного формирования или иной криминальной структуры требуют передачи денежных средств под угрозой применения насилия либо совершения иных противоправных действий, которые могут причинить существенный вред потерпевшему или его близким, их действия образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 163 УК РФ и, в зависимости от того, финансируется террористическая деятельности в целом или деятельность определенного незаконного вооруженного формирования, по ст. 205.1 или ст. 208 УК РФ [4, с.444].

Если в процессе вымогательства виновные лица задерживаются до момента получения ими денежных средств, содеянное образует совокупность ст. 163 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ст. 205.1 или ст. 208 УК РФ.

Таким образом, террористическая деятельность организованной преступности как социально и политически мотивированное нелегитимное использование насилия и устрашения для понуждения объектов террористического воздействия (государственных органов, должностных лиц, общественных организаций, отдельных групп физических лиц, населения и др.) к совершению определенных действий в интересах субъектов террористической деятельности (например, признания последних стороной в политических переговорах с их противниками, отказа от проведения тех или иных государственных мероприятий, направленности общественно-политической деятельности конкретных политических и общественных деятелей или ее прекращения и т.п.) характеризуется с точки зрения его организации такими признаками, как целенаправленность, наличие относительно устойчивых связей между участниками террористической деятельности, той или иной преобладающей по своему характеру мотивацией этой деятельности, существованием определенных организационных структур, объединяющих террористов.

Противодействие преступлениям террористического характера следует рассматривать, уделяя большое внимание такому не менее обще-

ственно опасному явлению, как организованная преступность. Поскольку представляется, что сам терроризм следует рассматривать как вид организованной преступности. Терроризм просто не может существовать, если не организована надлежащая преступная деятельность. Следует отметить, что в структуре организованной преступности имеются специальные подразделения и группы, способные к проявлению экстремистских и террористических проявлений политического, религиозного и другого характера.

Список литературы

1. Архив Верховного суда Республики Дагестан. Дело № 2-34/2013.
2. Меркурьев В. В. Преступные сообщества (преступные организации), действующие на Северном Кавказе // Оперативно-розыскные меры по борьбе с организованными группами и преступными сообществами экстремистской направленности: материалы международной научно-практической конференции. – 2011. – С.171-181.
3. Меркурьев В. В., Аганов П. В. Проблемы квалификации деятельности участников террористических групп и сообществ в Северо-Кавказском регионе // Российский следователь. – 2013. – №20. – С.14-18.
4. Ульянова В. В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С.442-447.
5. Глава СКП: правоохранительные органы Северного Кавказа не справляются с валом бандитизма // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.pravda.ru/politics/28-05-2010/1033713-Bastrikin-0>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 N 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // БВС. – апрель, 2012. – №4.
7. Кулешов Р. В. К вопросу о формировании объекта и предмета теории оперативно-боевого противодействия террористической деятельности // Российский следователь. – 2013. – № 23. – С.42-45.
8. Кулешов Р. В. Теория оперативно-боевого противодействия экстремистской и террористической деятельности, уголовный процесс и административное право: проблемы соотношения и преемственности научного знания // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С.226-229.